

Я. В. Мальцев*

КОНЦЕПТ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются качественные характеристики (имеющие сквозной для модерна и постмодерна характер) интерпретации понятия «современность», часто использующегося в социальных и гуманитарных науках и в философии: его *традиционная* (социально-гуманитарная) и *новаторская* (философская) трактовки. Под традиционным пониманием современности обозначается взгляд на *современность как на эпоху*, берущий свое начало, как минимум, с Гегеля. Новаторской означена концепция *современности как субъективности* А. В. Павлова.

Ключевые слова: современность, модерн, постмодерн, Я-субъективность.

Y. V. Maltsev

The concept of «modernity» in philosophical and humanitarian discourse

In the article takes up quality characteristics (which is having a pass-through the nature for modern and postmodern) interpretation of the concept of «modernity», often used in the social sciences and humanities, and philosophy: at its *traditional* (social and humanitarian) and *innovative* (philosophical) interpretation. At the traditional understanding of the *modernity* it's designated as an era, what has origins at least from Hegel. At innovative concept of *modernity* by A. V. Pavlov, it's signified as *subjectivity*.

Keywords: modernity, modern, postmodern, I-subjectivity.

1

Традиционное понимание концепта «современность» связано преимущественно с именем Г. В. Ф. Гегеля, которому принадлежит первая рефлексия собственной эпохи как эпохи современной (отсюда трактовка *современности как эпохи*). Подобной же рефлексией занимались как его современники (И. Фих-

* Мальцев Ярослав Владимирович — соискатель степени кандидата философских наук, кафедра философии Тюменского государственного университета, maltsevyaroslav@gmail.com.

те, Ф. Шеллинг), так преемники (Ф. Ницше, К. Манхейм, К. Ясперс и проч.). В настоящее время, примерно с 50–60-х гг. XX в., осмысление феномена современности выходит на новый уровень: исследователи разделяются на два крупных лагеря — один лагерь рассматривает современность в качестве единственного феномена (Э. Хобсбаум) и проекта незавершенного (Ю. Хабермас), другой разделяет современность минимум на два крупных блока: собственно современность и вторая современность (она же постсовременность, поздняя современность, надсовременность, текучая современность, время после конца истории и проч.). Подобная ситуация связана с тем, что внимание социологов и философов обратилось на принципиальные изменения, происходящие в социальной ткани общества. В данной статье, в той части, где современность будет рассматриваться в своем темпоральном качестве, внимание будет сосредоточено на *сквозных моментах*, так или иначе присущих современности при любой ее периодизации: как единой эпохи с 1500 г. и по наше время или как двух- и более составного периода.

В результате современность оказывается периодом времени, обладающим набором важных характеристик:

1. Прежде всего, современность отличается от предыдущих периодов истории *особым пониманием времени*. «Новое время», время современности, оказывается временем, открывающим себя будущему, так что в каждом моменте модернистского сознания себя как новая эпоха, в которой история начинает восприниматься как единый, неоднородный процесс, а время выступает в качестве ограниченного ресурса, позволяющего преодолевать возникающие по мере развертывания истории проблемы [17, с. 11].

В условиях подобных изменений будущность, понимаемая как ориентация индивидов на грядущее, становится главной целью не только человеческого воображения, но и деятельности. Если традиционное общество, выражающее свое отношение к времени в мифах, как правило, сосредоточено на прошлом и настоящем, то современность смотрит за горизонт. Более того, время современности поддается измерению, и даже подвержено человеческому контролю. Время в современности подлечит той же судьбе, что и любой другой феномен: оно должно быть исследовано и подчинено (превращено в *хронометраж*).

2. Подобная концепция времени оказывается в основе такой сущностной черты современности, как *самообоснование*. Оно обусловлено свойственным современности разрывом между новым временем и предшествующей исторической эпохой, детерминированным нежеланием современности «формировать свои ориентиры и критерии по образцу какой-либо другой эпохи» и выражается в противоположном стремлении — черпать свою нормативность из своей собственной актуальности. В результате современность видит себя самоотнесенной (утратившей связь с трансцендентным). В свое основание современность вынуждена закладывать постоянно пересматриваемые результаты практической деятельности, помогающей людям сосуществовать друг с другом [17, с. 12–13].

3. Тесно связанной с самообоснованием оказывается присущая современности *саморефлексия*. Современность предполагает, что никаких предзаданных изначальных норм и ценностей не существует. Она исходит из того факта, что

картина мира есть человеческий конструкт, который может быть пересмотрен в тех случаях, когда его рамки начинают мешать людям быть вместе, угрожая распадом общества. Так классический рыночный либерализм А. Смита оказался ревизован социалистической теорией [12, с. 587].

4. Обоснованная изнутри самой себя и не нуждающаяся в трансцендентном *современность приобретает характер некоего всеобъемлющего жизненного проекта*, намечающего перспективу разумной организации человеческой практики. В условиях современности автономизированным людям приходится нести ответственность за свою жизнь, за свои выборы, в набор которых превращается судьба. Им приходится планировать свои цели и проявлять активность по их достижению. Их собственная жизнь превращается в нечто зависящее только от них, в их собственный проект [10, с. 154].

5. Вместе с тем современности как проекту оказывается присуща *внутренняя противоречивость*. С одной стороны, рационализация культуры приводит к обособлению ценностных сфер разума (науки, морали, искусства) — институционализирующихся как занятия специалистов — друг от друга, с одновременным отрывом «экспертных культур» от широкой публики [16, с. 17]. С другой стороны, сами философы, остающиеся приверженцами проекта Просвещения, подвергают проект модерна своеобразному дроблению, доверяя лишь какому-нибудь одному из его моментов [16, с. 18–19]. Подобная противоречивость создает многоплановость и неустойчивость современности, давая ей имплицитную возможность к перестановке акцентов внутри самой себя, и, таким образом, порождает стадийную изменчивость внутри современности.

6. Непрекращающаяся, навязчивая, вечно незаконченная *модернизация*, по замечанию З. Баумана, становится способом существования современного общества [1] и «отделяет современность от всех других исторических форм человеческого общежития» [3, с. 35]. Общество современности принудительно и постоянно модернизирует все: автомобили, телефоны, компьютерные программы; экономику, общественное устройство, политические практики; самих модернизаторов. При этом сама модернизация в условиях современности вовсе не означает какого-то прямолинейного пути из точки А в точку Б, как, допустим, ранее понимался прогресс. Модернизация носит характер маятникового движения, бросаясь из одной крайности в другую, из огня в полымя, от этатизма к либерализму и обратно, от индивидуализма к коллективизму.

Вместе с тем, модернизация подразумевает крушение идеалов, конец утопий, коллапс метанарративов (Лиотар). Она, не ведя общество в раз и навсегда данном направлении, принимает любые формы, зависящие от нынешних неудобств и/или недовольств. Идея модернизации сменяет собой концепт «идеального общества», которое можно было единожды и навечно построить. Модернизация же подразумевает безостановочные улучшения, связанные с развитием *технонауки* [18, р. 66].

7. «*Пульсирующим нервом*» (Б. Г. Капустин) современности, ведущей свое начало от признания Я центром оси координат, является *автономность индивида*. Если в традиционном обществе человек был приобщен к магии, религии, встроен в некие единые нарративы, то современный человек автономизирован,

предоставлен сам себе и своим частным интересам [18, р. 67]. Человек современности оказывается «брошенным в мир» (М. Хайдеггер) и связанным «с новой концепцией человеческой свободы» (Х. Блюменберг), подразумевающей, по выражению Г. В. Ф. Гегеля, «абсолютную самостоятельность индивида», при которой он «есть абсолютная форма, т. е. непосредственная достоверность самого себя и... тем самым безусловное бытие» [6, с. 12]. Индивид современности формирует самого себя, а ткань общества представляет собой поле взаимодействия множества индивидов, с их собственными желаниями, целями и моделями поведения. Как отмечает Б. Г. Капустин, современный индивид обладает абсолютной самостоятельностью по отношению к «любым заветам предков, любым нормам нравственности, любым политическим установлениям... Индивида можно давить и подавить. Но давящие его заветы, нормы, установления, лишенные *его признания*, все равно “недействительны”» [9, с. 24].

8. Индивидуализация усиливается таким феноменом современности, как *абстракция* [5, с. 128–129], которая понимается как лишение индивидов в социуме конкретных человеческих отношений и привязанностей, что связано с укрупнением форм социальной жизни и коммуникаций, их обособлением, «отчуждением» от индивида, деперсонификацией и объективизацией (например, формы рынка или бюрократия).

9. Самостоятельность человека, соседствующая с его неготовностью взять ответственность за свое существование на самого себя и слабостью инстинктивных моральных программ [8, с. 69–73], неизбежно приводит к перманентной угрозе *bellum omnium contra omnes* (Т. Гоббс) и складыванию т. н. общества риска (У. Бек), порождая, таким образом, *проблему порядка*. В присущем современности обществу риска существующие опасности отличаются от предшествующих глобальностью своих угроз и современными причинами своего возникновения (химико-физическими формулами, радиоактивностью) [4, с. 24–25]. Наличие подобных угроз нейтрализуется, как отмечает Б. Г. Капустин, в разных культурно-исторических контекстах современности разными (институциональными, духовными и т. д.) средствами, с помощью которых решается проблема порядка [12, с. 587].

10. Ситуации соотношения хаоса и порядка, автономизации индивида и абстракции социальных институтов, перманентной угрозы аномии создают в современности постоянные *чувства неопределенности, неуверенности, нерешительности* [2]. Они проявляются, по мнению З. Баумана, в том факте, что молодые люди до последнего откладывают принятие решений о выборе направления учебы, факультета или специальности; в том, что современные правительства зачастую не знают, как отреагируют на их действия рынок, управляемое население, международное сообщество, а потому вынуждены действовать вслепую — иными словами, вечным недостатком данных, в котором людям приходится действовать и принимать решения, одновременно неся на себе весь груз ответственности за свой выбор [2].

Таким образом, понимание современности как исторической эпохи заставляет считать современной только эпоху, которая в историографии получает название Нового времени, со всеми присущими этому периоду истории проблемами: самостоятельностью индивида, множественностью мировоззре-

ний и векторов развития, сложностью ведения интерсубъективного диалога и порождаемыми этими факторами проблемами порядка и общественной безопасности. Но такое понимание современности кажется не вполне удовлетворительным, т. к., во-первых, самостоятельно действующие индивиды были в истории и в додекартовские времена, а во-вторых, темпоральное понимание современности отказывает в праве на современность историческим периодам до XVI в. В связи с этим интересно будет познакомиться с иным воззрением на феномен современности.

2

Подход, который в данной статье будет обозначаться как *новаторский*, предложил А. В. Павлов. По его мнению, «онтология современности зарождается в индивидуальном самобытии человека» [13, с. 8]. Современность по Павлову имеет строгую привязку к понятому как *cogito* субъекту. С такой точки зрения современность не есть эпоха. Она связана не столько с календарно-астрономическим временем, которое однообразно, линейно и необратимо, сколько с социально-историческим — характеризуемым альтернативностью, наличием множества ниш, позиций, траекторий, режимов и темпов продвижения вперед [7, с. 167]. Именно в этом времени и вынуждены существовать люди. При таком взгляде на время современность начинает пониматься как нечто текущее и изменчивое, каждый раз соотносимое с жизнью конкретных человеческих индивидов [11, с. 19].

По Павлову, современность возникает в тот момент, когда в рутине общественной жизни выделяются какие-то особые социальные группы или яркие индивиды, которые начинают жить «современно/несовременно», «новаторски/консервативно», стремясь освободиться от диктата прошлого и внешней зависимости. Именно с одной из таких групп оказывается связанной современность. Эта связь сохраняет свою актуальность до тех пор, пока девиантное мировоззрение не станет господствующим, после чего социальная группа, явившаяся причиной современности, уступает место другому субъекту, порождающему новую современность [14, с. 7]. Таким образом, сама современность оказывается одновременно и постоянной, ибо она есть всегда, и диалектичной, потому как находится в непрерывном изменении, оказываясь «чистой динамикой» [14, с. 11]. Иными словами, согласно Павлову, *современность представляет собой скорее процесс, чем эпоху*.

Павлов рассматривает современность в духе, противоположном гегелевскому, а именно как субъективность, понимаемую как разум, т. е. способность субъекта (это не только человеческое Я, но и институция) «самому себе ответить на вопрос, что же ему надо» [14, с. 5], его умение «жить своей жизнью, а не той, какую нам навязывают обстоятельства или чьи-либо требования, и думать своей головой» [14, с. 5].

Павлов выделяет две значимые черты современности: 1) разумного и самостоятельного субъекта, являющегося элементарной частичкой современности, 2) полилог, образуемый признающими друг друга субъектами и превращающийся в их коллективное действие, посредством которого они

обретают возможность реализовывать свои мечты и утопии, тем самым преобразовывая культуру.

Приравнивая современность к субъективности (Я-субъективность), Павлов отмечает, что «плюрализм субъектов указывает на плюрализм современностей, их столько, сколько субъектов» [14, с. 11]. А учитывая тот факт, что субъект воспринимает окружающее его через призму собственного Я, то современностью, современным, оказывается то, что вовлечено в «мой» жизненный мир, а то, что в «моей» жизни никак не участвует, оказывается несовременным [13, с. 6]. Современность становится личностно переживаемой. С этих позиций она оказывается «не только разрывом с прошлым, но и идеалистической ориентацией на будущее, открытием его для себя и его созиданием» [13, с. 9]. Современность становится сплавом прошлого и будущего, взаимодействие которых и обеспечивает ее динамику.

Подводя итог восприятию современности А. В. Павловым, следует отметить, что ее главной характеристикой исследователь считает эмпирическую «данность субъекта самому себе» [13, с. 14], и лишь вслед за этим готов рассматривать современность в качестве теории, «рефлексирующей самобытие общества» [13, с. 14].

3

В результате предпринятого анализа можно отметить, что концепт «современность» в философско-гуманитарном дискурсе в настоящее время трактуется двумя способами. Первый определяет «современность» через соотнесение ее с определенными временными рамками на воображаемой линейке исторического времени и наделяет ее определенными, носящими социальный характер атрибутами. Этот подход распространен среди историков, социологов и политологов, т. к. позволяет лингвистически удобно обозначать время, в котором они все занимаются своими исследованиями. Однако в этом удобстве скрыт подводный камень: по мере накопления социальных изменений меняется само *сегодня*, в котором действуют исследователи. Фиксация этих изменений порождает желание как-то отделить *свою современность* от *современности отцов* и потенциально порождает устремленную в будущее бесконечность современностей. Этот способ определения концепта «современность» — современность как эпоха — в данной статье предлагается обозначать как *традиционный*.

В противоположность ему существует и иное понимание концепта «современность», которое можно определить как *новаторское* (хотя оно и есть самое консервативное) и которое исходит с нив философии. В данном случае *современность* рассматривается как *субъективность*, черпая свою основу в картезианском *cogito*, в мыслящем человеческом индивиде, занимающем активную творческую позицию, благодаря чему сотворяющему (через полилог с себе подобными) культуру, социальную матрицу, многовекторную и многовариантную современность, проходящую вдоль всего исторического развития человечества и появляющуюся вместе с первым актом человека по постройке Символического порядка (Ж. Лакан).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Действовать в условиях неопределенности // Русский журнал. — URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print//pole/Dejstvovat-v-usloviyah-neopredelennosti> (дата обращения: 31.08.2015).
2. Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года // ПОЛИТ.РУ. — URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 03.04.2014).
3. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
5. Бергер П. Понимание современности: К критике современности // Социологические исследования. — 1990. — № 7. — С. 127–133.
6. Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. — Т. 4: Феноменология духа / пер. Г. Шпета. — М.: Соцэкгиз, 1959. — 488 с.
7. Гречко П. К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. — 2000. — № 2. — С. 166–177.
8. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 208 с.
9. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. — М.: РОС-СПЭН, 1998. — 308 с.
10. Крупкин П. Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 568 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — Т. 3. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. — 630 с.
12. Новая философская энциклопедия: В 4 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 2010. — 696 с.
13. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. — 2013. — № 1 (39). — С. 5–14.
14. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. — 2012. — № 6. — С. 5–11.
15. Павлов А. В. Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. — 2012. — № 3. — С. 17–27.
16. Хабермас Ю. Политические работы / пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. — 368 с.
17. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. — М.: Весь Мир, 2008. — 416 с.
18. Baudrillard J. Modernity // Canadian Journal of Political and Social Theory. — Vol. XI, N 3. — P. 63–73.